

ПЫТКА КАК ИНСТИТУТ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА ПО «КРАТКОМУ ИЗОБРАЖЕНИЮ ПРОЦЕССОВ И СУДЕБНЫХ ТЯЖЕБ» ОТ 30 МАРТА 1716 г.

Статья посвящена исследованию вопроса о правовой регламентации и практике применения пытки как средства получения свидетельских показаний по первому отечественному процессуальному кодексу Краткому изображению процессов или судебных тяжб от 30 марта 1716 г. В статье опровергается широко распространенная точка зрения, что такие изысканные формы пытки, которые применялись на Западе, вроде испанского сапога, в России XVIII в. не знали.

Эпоха Петра Великого (1672-1725) ознаменовалась окончательным утверждением в России абсолютной монархии, в социальном плане представлявшей диктатуру дворян-крепостников. С утверждением абсолютизма крепостное право обрело поистине изуверские формы. Проявлением протеста стали побеги крестьян, бунты и народные восстания. Так, в 1705-1706 гг. вспыхнуло восстание в Астрахани, с 1705 по 1711 г. прокатилось восстание по Башкирии, в 1707-1708 гг. разразилась крестьянская война под предводительством Кондратия Булавина. На фоне Северной войны (1700-1721) эти события способствовали радикализации и ужесточению петровских реформ, в том числе реформы судопроизводства. Последняя началась именным указом Петра I «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных роспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» от 21 февраля 1697. Этим указом Петр заменил состязательный процесс, преобладавший в российском судопроизводстве, на следственный или инквизиционный процесс, что соответствовало тенденции укрепления самодержавия в России. Отныне суд стал орудием в руках государства для пресечения любых посяганий на господствующий политический режим. От суда требовалось не столько стремление к выявлению истины, сколько к устрашению подданных. Абсолютистской власти важнее было покарать невиновного, чем вообще никого не покарать. Этот принцип лег в основу «Краткого изображения процессов и тяжб» от 30 марта 1716 г., которое развивало основные положения указа от 21 февраля 1697 г. применительно к военному судопроизводству, значительно усиливая обвинительное начало.

По «Краткому изображению...» инициатива сторон значительно сужается за счет расширения полномочий суда. Отныне судья выполняет функции следователя, прокурора и вершителя всего процесса. Суд превратился в дознание, а прения

сторон заменены «роспросом» (допросом). Главной целью допроса становится получение (обычно под пыткой) признания осужденного, в котором уже тогда видели «царицу доказательств». И хотя «Краткое изображение...» не использовалось, как правило, в судах общей юрисдикции, оно стало единственным процессуальным кодексом своего времени и позже – вплоть до судебной реформы 1864 года. Кодекс регламентировал все этапы судебного процесса. В частности, это относится к пытке как норме судопроизводства и одному из его этапов.

Для применения пытки «Краткое изображение...» указывает на необходимость наличия «важных причин» и достаточных оснований для подозрения, а также нежелание осужденного признаваться в приписываемых ему деяниях. Достаточность оснований определялась формально: одного свидетеля-очевидца преступления было недостаточно для обвинения подозреваемого, но достаточно для применения к нему пытки. Одного свидетеля, дающего косвенные показания против подозреваемого, недостаточно для применения пытки. Требовалось не менее двух свидетелей, чтобы подозрение стало основанием для применения пытки. Эта норма была заимствована из общегерманского свода уголовных законов «Каролина» (1532), который действовал в германских землях до конца XVIII века и, следовательно, был для Петра I собранием вполне актуальных юридических документов.

По «Краткому изображению...» пытка применялась, как и раньше, не только в уголовных, но и в гражданских делах. Но если по Соборному Уложению 1649 года применение пытки ничем не ограничивалось, то по «Краткому изображению...» в гражданских делах «прежде пытать не можно, пока в самом деле злое действие наружно не объявится» (ст. 3 главы 6 «О роспросе с пристрастием и о пытке»). В различии оснований для применения пытки можно усмотреть начало разделения уго-

ловного и гражданского процессов. В соответствии с «Кратким изображением...» доказательством считались показания, данные не на пытке, а повторенные после нее непосредственно перед судом. Признание, вырванное пыткой и данное перед судом, рассматривалось как добровольное, а добровольное признание по кодексу являлось необходимым условием его достоверности. Как видим, добровольность понималась своеобразно. Так, если подсудимый вместо того, чтобы подтвердить признание, данное им во время пытки, отвергал его на суде, заявляя, что он был вынужден сделать это по причине мук на пытке, он мог быть подвергнут второй и третьей пытке. Если подсудимый выдерживал все три пытки и все же не признавался, он не подвергался допросу и освобождался после того, как представлял своего поручителя в том, что он снова явится по требованию суда. Кроме того, он должен был дать присягу, что за истязание над ним не будет мстить. Большая часть этих положений была заимствована из немецкой судебной практики. Пытка по одному делу для каждого лица могла быть только однократной. Считалось, что если обвиняемый упорствует в отрицании, то с него должны быть сняты все улики преступления, которые против него выдвигались. В отсутствие новых улик, отличных по своему характеру от предыдущих, пытка не могла быть проведена. Соборное Уложение 1649 года таких тонкостей еще не знало.

До «Краткого изображения...» были известны случаи шестикратной, восьмикратной и даже двенадцатикратной пытки в Преображенском приказе. Впрочем, в относительно спокойные времена работы для палачей было не очень много. Об этом свидетельствует штат Преображенской канцелярии к концу правления Петра I. В этом органе, ведавшем преимущественно политическими делами, числился лишь один заплечных дел мастер. В общих судах палачей было больше: в Петербургском надворном суде, например, в это же время их было двенадцать [1].

Пытке можно было подвергать и ответчика, и свидетеля, если их показания вызывают сомнения. Например, пытать свидетеля в больших и важных гражданских делах можно было лишь в том случае, если он «в сказке своей оробеет или смутится или в лице изменится» (статья 3 главы 6 «О роспросе с пристрастием и о пытке»). Это правило было заимствовано из статьи 71 общегерманского уголовного уложения «Каролина», которой было предписано, что «нужно внимательно следить, не про-

являет ли свидетель в своих показаниях колебаний и непостоянства, не настораживается ли он при показаниях других свидетелей» [2].

Вместе с тем «Краткое изображение...» предписывает судье жестко пытать людей «твердых, бесстыдных и худых»; а тех, кто был «деликатного тела и честные суть люди», пытать предписывалось слабее. В те времена опытным путем установили, что полные люди тяжелее переносят физические истязания и часто умирают без пользы для расследования. Эта норма позже повторится в проекте Уложения 1754 года: судьям «надлежало иметь рассуждение и с твердыми и крепкими людьми жесточае, а с нежными и бессильными легче поступать» [3].

В отличие от немецкой «Каролины» в соответствии с «Кратким изображением...» по уголовным делам пытка могла применяться в любом деле, независимо от его тяжести. Но при этом было предписано, чтобы судьи не пытали без «достаточного подозрения» и притом тогда только производили бы пытку, когда при даче показаний обвиняемый запрется (ч. 2, гл. 6, ст. 2). Под «достаточными подозрениями» подразумевались улики.

Пытка проводилась не при полном составе суда, а лишь под руководством главы суда – президента. Он нес ответственность как за умышленное, так и за неосторожное («без вымыслу») нарушение правил пытки. Ответственность в первом случае была серьезна, во втором – незначительна. Поскольку на практике было трудно различить умысел от неосторожности, то судьи не очень опасались ответственности за чрезмерное усердие в пытках. Особенно характерно данное положение для политических расследований. Так, по делу об астраханском восстании (1705-1706 гг.) из 365 подсудимых умерло от пыток 45 [4].

Порядок проведения пытки регламентировался Указом от 23 октября 1673, согласно которому преступников, сознавшихся в городах, а в Московском приказе запиравшихся, велено было пытать три раза и жечь огнем. При первой пытке велено было им давать 80 ударов «без спуску», при второй 120, а при третьей 150. Прочих же людей, если они доходили до пытки, подвергали при первой пытке 50 ударам без спуску, при второй 80, а при третьей 100 ударам. Примечательно, что процедура пытки в судебных протоколах того времени не детализируется. В таких случаях в протоколе отмечалось: «а в застенке в расправе он Марька сказал...» или «крестьянин с пытки винулся и гово-

рил именно, что убил того крестьянина брат его Агафонка» [5].

Во времена Петра I пытка обычно выглядела так: с пытаемого снимали рубаху, руки связывали сзади возле кистей веревкой, обшитой войлоком, руки поднимали вверх на дыбу. Ноги пытаемого связывали ремнем, палач вступал ему в ноги на ремень своей ногой и его стягивал так, что руки выскакивали из суставов. При этом палач бил его по спине кнутом, сделанным из толстого плетеного ремня, шириною в палец и длиною в пять локтей. Существовал и другой способ, когда пытаемого жгли огнем. Тогда ему связывали руки и ноги, вкладывали между ними бревно, а затем поднимали на огонь. Иногда разжигали докрасна железные клещи и ломали ими ребра. Женщин пытали наравне с мужчинами, хотя число ударов им давали меньше, да и кнут иногда заменяли на плети или батоги. Г.К. Котошихин указывал, что женщин подвергали пытке так же, как и мужчин, с той лишь разницей, что их не жгли на огне и не ломали им ребра [6]. До «Краткого изображения...», по свидетельству Е. Анисимова, с женщинами считались мало. Однако в делах по политическим преступлениям жестокость и количество экзекуций ничем не ограничивались [7].

Следует критически отнестись к бытующему в отечественной литературе мнению, что «изысканных» форм пытки, которые применялись на Западе, в России не знали. В книге, составленной по требованию Екатерины II, «Обряд, како обвиняемый пыгается» [8] есть упоминания о разных видах пытки, которые применялись в застенках. Из этого описания мы узнаем о применении в России пыточных инструментов, используемых европейской инквизицией. Это тиски для рук, представлявшие собой винтовые ручные зажимы, и «испанский сапог», то есть тиски для ног, сделанные из железа с винтами, которые ввинчивал палач. «Испанский сапог» в упрощенном варианте надевали на ногу и затем в скрепу забивали молотком дубовые клинья, постепенно заменяя их клиньями все большей толщины. Самым толстым считался восьмой клин, после чего пытка прекращалась, так как кости голени пытаемого ломались. С.В. Максимов сообщает, что «испанский сапог», который надевали на руку, в народе именовался «репка», ибо в сжатом состоянии этот зажим напоминал указанный овощ [9]. Обычно «репка» вызывала острую боль и крики пытаемого. С этим и была связана пословица «Хоть ты матушку-репку пой!» Извест-

ны дошедшее до нашего времени выражение: «сказать всю подноготную» и более ясная по своему историческому смыслу поговорка «Не скажешь подлинную, так скажешь подноготную» [10]. Здесь речь идет о пытке, когда человеку забивали под ногти железные гвозди или деревянные кольшки. Возможно, так пытали под Петергофом в присутствии Петра I царевича Алексея. Андрей Рубцов, который попал в Тайную канцелярию в 1718 году по доносу товарища, показал, что слышал пыточные крики, а позже видел царевича с завязанной рукой [11]. Есть свидетельства применения и других видов пыток, например кормление арестанта соленой пищей, когда ему одновременно не давали пить; пытка водою, когда на выбритое место на голове лили тонкой струей холодную воду.

В России XVII века существовали две степени пытки: первая, умеренная, проводилась без огня, а вторая, жесткая, с огнем. В каких случаях какую степень употреблять, ни в Уставной книге, ни в Соборном Уложении 1649 г. не указано. По словам Г.К. Котошихина, пытка без огня употреблялась при первом допросе, а пытка с огнем при втором и третьем, то есть когда пытаемый не признавался с первого раза [12]. В «Кратком изображении...» были определены новые степени пытки, отличающиеся от применяемых ранее. Теперь степень пытки стала зависеть от величины преступления и личных качеств обвиняемого. Это установление полностью заимствовано из кодекса «Каролина», где указывалось, что «допрос с пыткой должен проводиться с учетом степени вины персоны, оцениваемой благоразумным судьей» (ст. 58, 59). Судья сам выбирал, как долго, насколько часто, насколько жестко или умеренно нужно пытать. Если ответ пытаемого отклонялся, то пытка продолжалась, если ответ принимался, то пытка прекращалась. Если обвиняемый получал порезы, колотые раны или иные травмы тела, то пытку следовало продолжать таким образом, чтобы он в наибольшей степени страдал от этих ран или травм.

«Краткое изображение...» устанавливало критерии, которыми должен был руководствоваться судья при назначении очередности пытки соучастников. Первым судья должен был пытать того, от кого он надеялся быстрее узнать истину. Если это предположить было нельзя, то нужно было начинать с того, кто находился в наибольшем подозрении. Если все обвиняемые находились в равном подозрении, а среди них были отец с сыном или муж с женой, то сначала нужно было подвергнуть пытке

сына или жену. В вопросе очередности пытки законодатель руководствовался соображениями целесообразности: начинать нужно было с человека, который представлялся самым боязливым, психологически неподготовленным к пытке или был младшим по возрасту. Считалось, что у таких людей легче было выпытать истину. Жену считалось лучше пытать перед мужем потому, что любовь к жене превосходит все иные сердечные привязанности, кроме родительской любви к детям. Считалось вероятным, что муж, видящий свою жену на дыбе, постарается защитить ее собственным признанием. Допрос сына перед допросом отца считался целесообразным не только потому, что сын был молод, но также и потому, что из-за своей любви к сыну отец получал глубокие душевные травмы. Судьи полагали, что, сопереживая сыну, отец подвергается еще большему наказанию, нежели сын. Считалось вероятным, что отец в этом случае скажет правду быстрее и подробнее. Тогда не нужно подвергать сына сильным пыткам, отец же давал показания без применения в данный момент к нему пытки.

В «Кратком изображении...» ярко высвечено классовое содержание феодального судебного процесса. До его издания никто не освобождался от пытки, но под влиянием немецкой судебной практики были внесены изменения. Теперь от пытки освобождались следующие категории подданных: 1) шляхта (то есть знатные люди, дворяне) и высокие государственные чиновники; 2) люди старше 70 лет; 3) недоросли; 4) беременные женщины.

Освобождение от пытки по знатности было основано еще на римском праве, которое было частично заимствовано немцами и по кодексу «Каролина» применялось в германских землях XVI-XVIII веках. В Германии, как и везде в феодальной Европе, слово дворянина считалось весомее и правдивее слова простолюдина. Впрочем, по делам о государственных преступлениях и убийствах «Краткое изображение...» допускало применение пытки и к лицам из привилегированных сословий. Так, по обвинению в заговоре, имеющем цель посадить на престол после смерти Екатерины I дочерей Петра I Анну и Елизавету, а не его внука Петра Алексеевича, был подвергнут пытке даже генерал-полцимейстер граф А.Н. Девиер [13].

Освобождение от пытки по слабости здоровья семидесятилетних стариков и беременных женщин было заимствовано из баварских законов, включенных в кодекс «Каролина». Освобождались от пытки и недоросли, но без указания возраста. Итальянские и немецкие судьи, ссылаясь на римское право, принимали пятнадцатилетний возраст как предел от освобождения от пытки. Позже это было установлено и российским законодательством: указом от 23 августа 1742 освобождались от пытки подростки до пятнадцати лет [14], а через два года указом от 18 июля 1744 освобождались от пытки подростки, не достигшие семнадцати лет [15].

Произвол судей, применявших пытки, по выражению И. Арсеньева, «по всякому удобному и неудобному случаю» [16], вызывал негодование тяжущихся, и голос их, раздававшийся все громче по мере ужесточения и распространения истязаний, дошел до Петра I. Указом 1722 года он предписывает сенату «рассмотреть о пытках, понеже и в малых делах пытки чинят, и таковым, на которых только мнение имеют, что оно унять». Мера эта, впрочем, имела слабое влияние на судей. Чтобы отучить их от употребления пытки по любому поводу и одновременно держать в страхе тяжущихся, Петр I указом от 5 ноября 1723 учреждает так называемый «суд по форме». С этого времени восстанавливается состязательный процесс с некоторыми инквизиционными обрядами, оставшимися как последствия розыскного порядка, к которому судьи привыкли.

Однако сосуществование двух форм процесса долго не удержалось: судебная практика все же склонялась в сторону инквизиционного процесса. Указом от 27 июля 1765 Екатерина II, предписав руководствоваться «формой суда», тем не менее отменила устное судоговорение и ввела письменное производство для ссудных комиссий. Примечательно, что екатерининские ссудные комиссии выступали против состязательного процесса, закрепленного петровским указом «О форме суда». Это и не удивительно, поскольку от состязательного процесса осталась только форма, которая лишь усложняла и удлиняла процесс. Дела решались по усмотрению судей и, как правило, в соответствии со следственным порядком судопроизводства.

При Екатерине II были внесены еще некоторые процессуальные изменения. Наиболее существенное в них – некоторые ограничения в применении пытки по указу 1763 года. К пытке теперь можно было прибегать лишь тогда, когда другие средства не приводили к искомому результату. В уездных городах запрещалось производить пытки; преступники должны были конвоироваться в провинциальные и губернские канцелярии. По указу 1767 года для применения пытки необходимо было

специальное разрешение губернатора. В случае признания осужденного подвергать его пытке было запрещено. Указом 1775 года судам запрещалось принуждать подсудимого к признанию с применением пытки, если имеющиеся доказательства подтверждали его виновность.

Как норма следственного судопроизводства и стадия судебного процесса пытка была широко распространена в России в XVII-XVIII веках. Она применялась до судебной реформы 1864 года Александра II, хотя указ об ее отмене появился еще 27 сентября 1801 года.

Список использованной литературы:

1. Кириллов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977, с. 42, 44.
2. В.А. Линовский. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001, с. 89.
3. Протоколы Правительственного Сената 1761, 1762 и 1763 годов, Сенатский архив. СПб., 1907, т. 12, с. 30.
4. Н.Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М. 1957, с. 67.
5. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца, Симбирск, 1902, т. 3, с. 19.
6. Г.И. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, СПб. 1906, с. 91.
7. Г.И. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, СПб. 1906, с. 91.
8. Обряд, како обвиненный пытается / Русская старина, СПб, 1873, т. 8, с. 58.
9. С.В. Максимов. Крылатые слова. Собрание сочинений, СПб., 1909, т. 15, с. 112.
10. В.И. Даль. Пословицы русского народа, М., 1984, т. 1, с. 154.
11. Г.В. Есипов. Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и тайной канцелярии, СПб., 1880, с. 126
12. Г.К. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1906, с. 91, 92.
13. Н.И. Павленко. Птенцы гнезда Петрова, М., 1984, с. 208.
14. Полное собрание законов Российской империи, СПб., 1830, т. XI, N 8601.
15. Полное собрание законов Российской империи, СПб., 1830, т. XII, N 8996.
16. И. Арсеньев. Суд по форме / Наше время, 1860, N 49, с. 794.